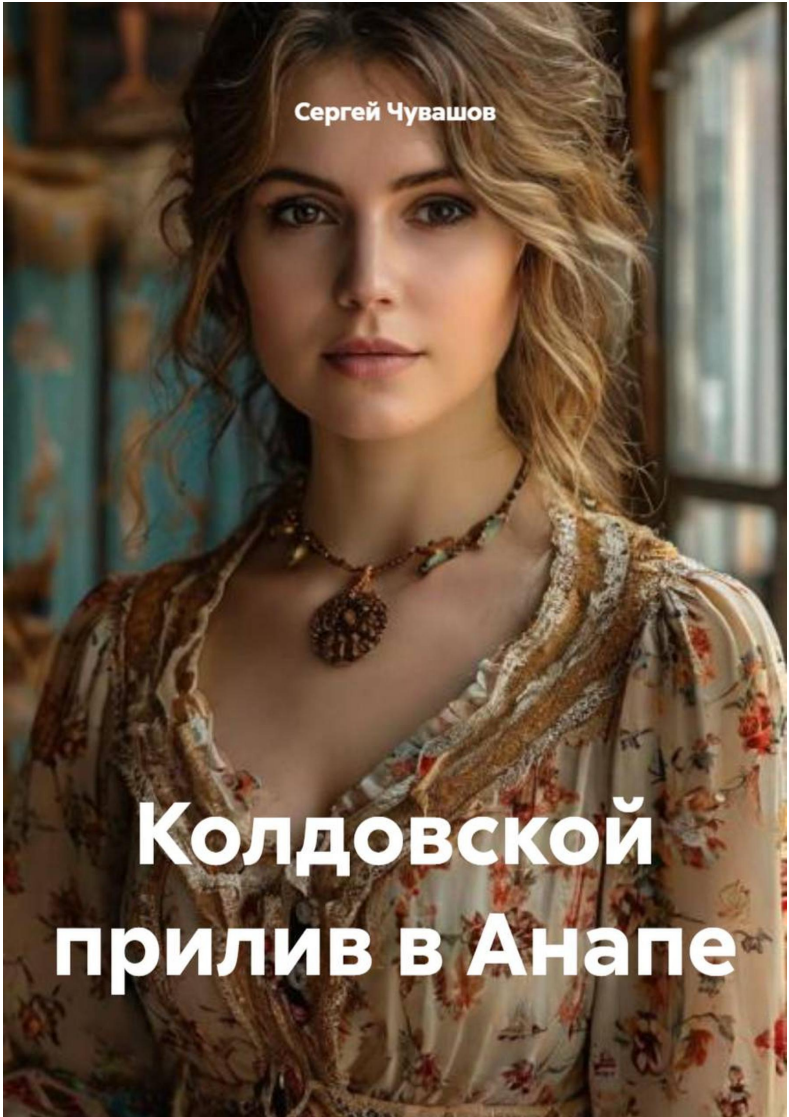

Сергей Чувашов
Колдовской прилив в Анапе

Сергей Чувашов

Колдовской прилив в Анапе

https://litres.ru/73037143
SelfPub; 2025

Аннотация

Татьяна, мама двоих детей, бежит из холодного Анжеро-Судженска от угроз бывшего мужа по совету гадалки. Новый старт в солнечной Анапе кажется сказкой: квартира, работа. Но обещанная судьба не спешит. Вместо любви Татьяна сталкивается с мистикой: питомцы умирают, а новая знакомая видит на ней «серьёзную порчу». Оказывается, родня бывшего регулярно оплачивает её несчастья. Спасаясь, Таня находит поддержку в лице верной подруги и мудрой ведуньи. Жизнь налаживается: дети находят своё призвание, но в сердце — пустота. И только когда она перестаёт ждать и начинает жить — на берегу Чёрного моря, под шум «колдовского прилива», появляется Он. Но сможет ли она довериться после всего пережитого? Роман о том, как любовь побеждает страх, а солнце Анапы высушивает даже самые мокрые от слёз страницы жизни.

Сергей Чувашов
Колдовской прилив в Анапе

Глава 1. Карта судьбы из Анжеро-Судженска

Осень в Анжеро-Судженске – это не романтический шёпот листвы и не золото парков. Это грязно-серое одеяло низкого неба, намертво приваренное к трубам заводов-гигантов. Это слякоть, которая даже не хлюпает под ногами, а вязнет, как холодная манная каша, цепляясь за подошвы и высасывая последнее тепло. И ветер. Пронизывающий, тоскливый ветер с востока, который несёт не свежесть, а запах угольной пыли и старой безнадёги.

Именно под аккомпанемент такого ветра Татьяна вышла из здания суда, сжав в ледяных пальцах синюю папку с документами. «Определение о расторжении брака». Казалось, эти сухие слова должны были принести облегчение, выдох после пятилетнего кошмара холодных ссор, пьяных скандалов и немого презрения. Но внутри была только огромная, зияющая пустота, затянутая тонкой плёнкой страха. Страха перед ним. Перед Сергеем.

Он не бил её. Нет. Он был слишком умён для грубого мордобоя. Его оружием были слово, взгляд и деньги. Унизительные оскорбления, приправленные ядовитой иронией, в присутствии детей. Ледяное, оценивающее молчание, от которого хотелось провалиться сквозь землю. И самое главное – полный финансовый контроль, превращавший её в вечного просителя, вынужденного отчитываться за каждую потраченную на детей сотню. Развод стал не освобождением, а новой осадой. Он грозился через суд отобрать детей, «спасая» их от нищей и неуравновешенной матери. Он звонил глубокой ночью и молча дышал в трубку. Он «случайно» оказывался возле школы, когда она забирала Аню и Рому. Милиция разводила руками: «Угроз нет, гражданочка, он же ничего не сделал. Отец детей имеет право интересоваться».

Дети… Аня, в свои десять лет ставшая не по годам серьёзной и тихой, смотрела на маму огромными, понимающими глазами. Рома, восьмилетний сорванец, замкнулся, перестал смеяться. Они были её якорем и её самой страшной болью. Как защитить их? Как вырваться из этого липкого, удушающего круга?

«Сходи к тёте Кате, – настойчиво шептала соседка по подъезду, Марина Петровна, ставя перед ней на кухне кружку перекипячённого чая. – Все к ней ходят. Мужей находят, дела поправляют, судьбу смотрят. Слово её для всего района

– закон. Может, дорогу светлую подскажет».

Тётя Катя жила не в бревенчатой избушке на курьих ножках, а в обычной хрущёвке на окраине. Но подъезд её был особенным – чистым, пахнущим не кошачьей мочёй, а ладаном и сухими травами. Дверь открыла сама хозяйка – женщина лет шестидесяти, с лицом, изрезанным глубокими морщинами, но с пронзительными, не по возрасту молодыми и яркими глазами. Глазами, которые видели тебя насквозь.

– Заходи, Танечка, – сказала она ровным, низким голосом, не спрашивая имени. – Я тебя ждала.

Комната была заставлена иконами в красных углах, но не церковными, а какими-то старинными, потемневшими. Воздух был густ от запаха воска, полыньи и чего-то сладковато-тяжёлого. На столе лежала колода карт с потрёпанными углами и стояла глубокая миска с водой.

– Садись. Не бойся, – тётя Катя указала на стул напротив. Её движения были плавными, точными. – Душу твою мне ветер принёс, ещё вчера. Ветром тоски да страха выстлана твоя дорога. Дай руку.

Холодные, сухие пальцы гадалки обхватили её запястье, затем перевернули ладонь вверх. Долго молча водила по ли-

ниям своим острым ногтем. Потом беззвучно вздохнула.

– Муж был у тебя не муж, а тюремщик души. И развод – не конец его власти. Он как тень, привязанная к пятке. Куда ты – туда и она.

Татьяна почувствовала, как по спине побежали мурашки. Она не сказала ни слова о Сергее.

– Дети… – прошептала она вместо вопроса.

– Дети твои – светики во тьме. Но и их тьма эта может поглотить, – тётя Катя выпустила её руку и взяла колоду. Карты падали на стол с мягким шуршащим звуком. Она раскладывала их молча, её глаза сузились, будто вглядывались не в нарисованные символы, а в далёкую, невидимую другим точку. Лицо становилось всё серьёзнее, почти суровым.

Вот на столе легла Пиковая Дама – женщина в трауре, холодная и беспощадная. Рядом – Восьмёрка Мечей, карта изоляции, ловушки, страха. И поперёк них – Туз Пик. Не просто беда, а роковой удар.

– Он не успокоится, – голос гадалки стал металлическим, без эмоций, как голос судьи, читающего приговор. – Он будет тянуть тебя в свою пропасть. Через детей, через сплетни,

через суды. Он словно болотная тварь, ему нужно, чтобы ты в его трясине захлебнулась. Такова его натура.

Татьяна стиснула зубы, чтобы не зарыдать. Всё, о чём она боялась подумать, было выложено на стол, как эти чёрные карты.

– Что же мне делать? – вырвалось у неё, больше стон, чем вопрос.

Тётя Катя отложила колоду в сторону. Она посмотрела не на карты, а прямо в глаза Татьяне, и в её взгляде была уже не суровость, а странная, почти жестокая решимость.

– Беги, – сказала она просто. – Беги отсюда. Подальше. Продавай всё, что можно продать. Стирай этот город с подошв, как вот эту грязь.

– Куда? – прошептала Татьяна, и в её голове мелькнули образы: Кемерово, Новосибирск, может, Питер к дальней родне…

Гадалка закрыла глаза, её пальцы слегка затрепетали, будто она ловила невидимые нити.

– На юг. Туда, где земля упирается в море. Где солнце да-

же зимой пытается растопить небо. Там… там твой новый дом. Там работа для тебя найдётся. И… – она сделала паузу, открыла глаза. В них вспыхнула искра, странная смесь жалости и торжества. – И там ждёт тебя твоя настоящая судьба. Настоящий муж. Не тюремщик, а защитник. С ним ты заживёшь. Счастливо. Но путь туда – путь через огонь страха и воду сомнений. Решись.

– Какой город? – Татьяна ловила каждое слово, сердце колотилось где-то в горле. «Настоящий муж». После Сергея эти слова звучали как насмешка или как сказка.

– Имя… имя вижу в бликах на воде. На «А». Ана… Анапа. Да. Анапа.

Анапа. В сознании всплыла открытка из детства: ярко-синее море, желтая полоса пляжа, смешные пальмы. Курорт. Мечта. Совершенно нереальный, далёкий, как другая планета, мир.

– Но… квартира, работа, дети, школа… Ипотека… – залепетала она, цепляясь за привычные, понятные преграды. Прагматизм, выращенный годами выживания, восстал против этого безумного пророчества.

Тётя Катя резко встала, её фигура вдруг показалась огром-

ной в полумраке комнаты.

– Или Анапа, или он тебя сгубит, – повторила она, и в голосе зазвучала сталь. – Третьего не дано. Карты говорят ясно: здесь – гибель души, а потом, гляди, и тела. Там – шанс. Солнечный шанс. Выбирай.

Она подошла к полке, взяла маленький, тёплый ещё от ладони камушек с дырочкой – «куриный бог» – и сунула его в руку Татьяне.

– Бери. На дорогу. И запомни: твой страх – его главное оружие. Как перестанешь бояться – его власть лопнет, как мыльный пузырь.

Татьяна вышла на улицу, бессмысленно сжимая в кармане гладкий камешек. Осенний ветер ударил в лицо, но она его не почувствовала. В ушах гудело: «Анапа… сгубит… настоящий муж…».

Она шла по знакомым, утопающим в грязи улицам, и они вдруг показались ей не просто унылыми, а враждебными. Каждый облупленный подъезд, каждый закопчённый заводской корпус шептал: «Останься. Смирись. Здесь твоё место».

Подойдя к своему дому, она увидела в окне кухни два ли-

ца, прижавшихся к стеклу – Аню и Рому. Они ждали. Ждали маму, которая должна была решить всё. За них. За себя. За их будущее.

В тот момент, глядя на их широко раскрытые, полные немого вопроса глаза, пустота внутри вдруг заполнилась. Не радостью, нет. Холодной, острой, как лезвие, решимостью. Страх никуда не делся, он сжался в тугой, болезненный комок под рёбрами. Но поверх него легло что-то новое – хрупкая, безумная надежда, похожая на первый луч солнца в этом сером анжеро-судженском небе.

«Беги», – сказал внутренний голос, странно созвучный голосу гадалки.

Татьяна глубоко вдохнула запах гари и слякоти, в последний раз. Потом расправила плечи, подняла голову и твёрдым шагом пошла к подъезду. К детям. К началу своего бегства к морю.

Дверь подъезда захлопнулась за ней с глухим, окончательным звуком. Лестничная клетка пахла сыростью, капустой и сладковатым дезодорантом, который кто-то щедро разбрызгал, пытаясь перебить другие запахи. Татьяна медленно поднималась по ступеням, прислушиваясь к отзвукам пророчества в собственной голове. Слова «Анапа» и «сгубит» сталкивались в вихре, порождая то паническую дрожь, то стран-

ный прилив сил.

Она остановилась перед своей дверью, ключ уже в руке. За этим порогом – её жизнь. Вернее, то, что от неё осталось: старая мебель из ДСП, доставшаяся от родителей, потертый диван, где они с Сергеем когда-то смотрели фильмы, а теперь она засыпала, уставшая до слез; детские рисунки на холодильнике; трещина в потолке ванной, которую все собирались замазать «как-нибудь». Здесь было всё знакомо, предсказуемо в своей убогости. И страшно. Потому что предсказуем был и он. Его внезапные визиты «проверить, всё ли в порядке с детьми», его звонки, его незримое, давящее присутствие в этих стенах.

Ключ повернулся в замке. Едва она переступила порог, как к ней бросились два тёплых комочка.

– Мам! – Рома влетел первым, обхватив её за талию и уткнувшись лбом в живот. – Ты долго! Мы суп разогрели, он немного пригорел.

За ним, сдержаннее, но с не меньшей тревогой в глазах, подошла Аня. Она уже была маленькой хозяйкой: на ней был передник, в руке – половник.

– Всё нормально, мам? – спросила она, глядя на мать не по-детски пристально. Аня научилась считывать настроение

по малейшим признакам: по тому, как мама ставит сумку, как вздыхает, снимая обувь.

Татьяна прижала к себе обоих, вдыхая знакомые запахи детского шампуня, школьного мела и тепла. В этот момент решение, зародившееся у подъезда, окрепло, обрело плоть и кровь. Она боролась не за абстрактное «счастье», а за вот эти две головы, за их право смеяться громко, а не украдкой, за их светлые глаза, в которых всё чаще мелькала тень.

– Всё… всё нормально, – сказала она, и голос её прозвучал твёрже, чем она ожидала. – Даже лучше, чем нормально. Иди, Анечка, помешай суп, а то он у нас окончательно станет углём. Ромка, разложи тарелки. Поговорим за ужином.

Дети метнулись на кухню, почуяв в её тоне что-то важное. Татьяна повесила куртку, скинула сапоги и пошла в комнату, ставшую одновременно гостиной, её спальней и детской. Занавески были задернуты. Она распахнула их. За окном, в кромешной тьме Анжеро-Судженской ночи, тускло светились окна таких же хрущёвок. «Беги отсюда», – снова прошептал внутренний голос.

Ужин прошёл почти молча. Дети ели, поглядывая на мать. Она собиралась с мыслями. Как сказать? С чего начать? Не напугать. Преподнести это как приключение.

– Ребята, – начала она, отодвигая тарелку. – Вам нравится здесь жить?

Аня и Рома переглянулись. Прозвучал недетский вопрос.

– Нормально, – пожал плечами Рома, не поднимая глаз от котлеты.

– Холодно, – тихо сказала Аня. – И в школе Ленка Смирнова говорит, что у меня папа – алкоголик, а мы нищие.

Татьяну кольнуло в сердце. Она взяла дочь за руку.

– А если бы мы могли уехать? Совсем. В другой город. Где тепло. Где есть море. Где никто не знает ни про нас, ни про папу. Где можно начать всё с начала. Вам было бы страшно?

В комнате повисла тишина. Рома перестал жевать.

– Море? – прошептал он, и в его глазах зажглись первые искорки. – Настоящее? Где можно купаться?

– Летом – да, – кивнула Татьяна. – А зимой там нет такого страшного снега и мороза. Там… солнце.

– А школа? – спросила Аня, практичная. – А наши друзья?

– Друзья будут новые. Хорошие. А школа… мы найдём хорошую школу. Там, на юге, много детей, которые тоже приехали из других мест.

– А папа? – Рома задал главный вопрос, от которого у Татьяны похолодело внутри.

Она сделала глубокий вдох. Врать нельзя. Но и пугать полной правдой – тоже.

– Папа останется здесь. У него своя жизнь. Он будет приезжать в гости, если захочет. Но мы будем жить отдельно. Очень-очень далеко. И у нас будет наш собственный дом. Ну, почти свой. И своя жизнь. Без ссор. Спокойная.

– Как в отпуске? – уточнил Рома, у которого воспоминания об отпуске (единственном, три года назад на Чёрном море) были смутными, но яркими.

– Да, – выдохнула Татьяна, чувствуя, как по щеке скатывается предательская слеза. – Почти как в отпуске. Только… навсегда.

Аня внимательно смотрела на маму. Она видела эти слёзы. Видела и новое, незнакомое выражение на её лице – не безнадёжность, а решимость.

– А как мы уедем? У нас же нет денег, – констатировала она со взрослым пессимизмом десятилетней девочки, слишком много видевшей.

– Продадим эту квартиру, – твёрдо сказала Татьяна. Сказала это впервые вслух, и слова прозвучали как клятва. – На

вырученные деньги купим там, на юге, маленькую, но новую и светлую. В городе, который называется Анапа. Будем жить втроём. Я найду работу. Вы будете ходить в новую школу. Это будет трудно. Очень трудно. Первое время, наверное, будет страшно и непривычно. Но мы справимся. Вместе. Хотите попробовать?

Рома уже кивал, его воображение рисовало пальмы и волны. Аня колебалась секунду, потом медленно кивнула.

– Если с тобой, мам… то да.

В эту ночь Татьяна долго не могла уснуть. Дети, возбуждённые и напуганные одновременно, заснули наконец, прижавшись друг к другу. Она же лежала и смотрела в потолок, где призрачно светился от фонаря узор из трещин. В голове крутились цифры. Цена квартиры здесь. Цены в Анапе на сайтах по недвижимости, которые она украдкой смотрела на работе. Ипотека. Кредит. Переезд. Гора проблем, каждая из которых казалась непреодолимой.

А потом она вспоминала глаза тёти Кати. «Или Анапа, или он тебя сгубит». И холодный камушек в кармане куртки.

Она повернулась на бок, глядя на профиль спящей дочери. Аня хмурилась даже во сне. «Хватит, – сказала она себе тихо, но чётко. – Хватит быть жертвой. Хватит позволять

ему калечить их жизнь».

На следующее утро она проснулась не с привычной тяжестью в груди, а с чётким планом. Первым делом – тайком от Сергея, чтобы не сорвал, найти риэлтора. Не местного болтуна, а серьёзного, возможно, из соседнего города. Второе – изучить все варианты ипотеки и программ переселения. Третье – начать потихоньку собирать вещи, избавляться от хлама, который нет смысла везти.

Бегство к морю началось не с романтичной покупки билетов, а с сухих, прагматичных шагов. Но каждый шаг, каждая проданная старая ваза или ненужный стул, каждое отправленное запросу в банк были для Татьяны глотком воздуха. Воздуха свободы, который пах уже не гарью Анжеро-Судженска, а солёным бризом далёкого, такого недосягаемого и такого необходимого моря.

Глава 2. Продажа прошлого

Утром, когда серое Анжеро-Судженское небо только начало светлеть до цвета мокрого асфальта, Татьяна уже сидела за столом с ноутбуком. На экране – бесконечные вкладки: сайты недвижимости Анапы, ипотечные калькуляторы, форумы переселенцев. Цифры пугали. Цены на однушки в новостройках у моря заставляли сердце сжиматься. Её трёх-

комнатная хрущёвка здесь, в самом благополучном районе, стоила, как выяснилось, меньше скромной студии там.

«Но у студии там нет его», – жёстко напомнила она себе, глядя на трещину в углу потолка, появившуюся после одного из особенно громких скандалов.

Первым делом нужно было найти риэлтора. Не местного, болтающего со всеми на районе. Через форумы она вышла на агентство из Кемерово. Молодая девушка Лиза, с энергичным голосом, выслушала историю без лишних расспросов.

«Татьяна, ситуация стандартная, – сказала она деловым тоном. – Чтобы продать быстро и без нервов, нужно ставить цену на 10% ниже рынка. И быть готовой к торгу. И главное – полная конфиденциальность. Вы ведь не хотите, чтобы кто-то узнал и начал… мешать?»

«Мешать» – это мягкое слово для того, что мог устроить Сергей. Татьяна согласилась на все условия.

Через три дня в квартире появилась Лиза – живая, пахнущая дорогим парфюмом, с планшетом в руках. Она прошлась по комнатам, щёлкая фотоаппаратом.

«Мебель, к сожалению, старовата, – констатировала она.

– Но светло, окна целые, сантехника работает. Это плюсы. Я советую вынести половину вещей – создать ощущение простора. И, Татьяна, вам с детьми придётся на время покидать квартиру на просмотры. Лучше всего – гулять. Чтобы потенциальные покупатели чувствовали себя свободно».

Так началась странная жизнь. Каждые выходные, а иногда и среди недели, Татьяна получала смс: «На 14:00 запланирован просмотр. Уйдёте?» Они с детьми одевались и шли. Неважно, был ли дождь, слякоть или пронизывающий ветер. Они ходили по знакомым улицам, заходили в почти пустой торговый центр, где за 100 рублей можно было часами сидеть в кафетерии с одним стаканом чая на троих. Рома скучал. Аня тихо ненавидела эти скитания.

«Мам, а когда мы уже уедем? – спрашивал Рома в сотый раз, шаркая ногами по грязному снегу. – Я хочу на море».

«Сначала нужно продать нашу квартиру, сынок. Чтобы были деньги на новую, – терпеливо объясняла Татьяна, сама полная сомнений».

Первые покупатели приходили, смотрели свысока, ковыряли пальцем отслоившуюся штукатурку и уходили. Кто-то ворчал про «старый фонд», кто-то сразу начинал торговаться до неприличия. Лиза успокаивала: «Рынок замер, ждём

весны. Но ваша цена привлекательная, будет покупатель».

А потом случилось то, чего Татьяна боялась больше всего. Однажды вечером, когда они как раз вернулись с очередного вынужденного похода, раздался резкий звонок в дверь. Не звонок, а долгий, настойчивый гудок. Сердце упало. Она подошла к глазку. Сергей. Его лицо, искажённое злобой, заполнило весь обзор.

«Открывай, Танька! Знаю, что дома!» – его голос, грубый и властный, проник даже сквозь стальную дверь.

Дети замерли в комнате. Аня инстинктивно обняла брата.

«Уходи, Сергей. У нас всё решено через суд. Ты не имеешь права просто приходить», – попыталась сказать она твёрдо, но голос дрогнул.

«Права? – он ударил кулаком по косяку. Дверь содрогнулась. – Я имею право знать, что ты творишь с моими детьми! Мне сказали, ты квартиру продаёшь! Куда собралась, а? Сбежать решила?»

Потом был поток оскорблений, угроз обратиться в опеку, заявление, что она «невменяемая», «хочет оставить детей без крыши над головой». Татьяна стояла, прислонившись

спиной к двери, и беззвучно плакала от бессилия и страха. Дети плакали в комнате. Это был ад.

Но именно этот срыв стал переломным. На следующее утро она позвонила Лизе и, едва сдерживая рыдания, всё рассказала.

«Всё, хватит, – сказала Лиза, и в её голосе впервые появились не деловые, а человеческие нотки. – Сейчас оформляем доверенность на меня. Я буду вести все переговоры, вы получаете деньги только в банке при расчёте. И вас здесь не должно быть. Он не имеет права срывать сделку, но может напугать покупателей. Уезжайте. Хоть к родственникам. На неделю».

Родственников, готовых принять её с двумя детьми, не было. Но была Марина Петровна, соседка. Та, что послала к тёте Кате. Узнав о ситуации, она, не раздумывая, открыла дверь своей однокомнатной квартиры: «Живите, пока свой дом продаётся. Места, конечно, в обрез, но перебьёмся».

Переезд на неделю к соседке стал для детей новой игрой. Для Татьяны – испытанием. Они жили втроём на раскладушке и старом диване, их вещи – в трёх сумках. Но это было не так страшно, как ожидание. Лиза сообщала: «Был один адекватный покупатель, семья молодых. Но кто-то (и мы знаем кто) встретил их у подъезда, сказал, что дом аварийный и

соседи ужасные. Они отказались».

Татьяна чувствовала, как силы покидают её. Деньги таяли. Аня замкнулась ещё больше. Только Рома, наивный, продолжал рисовать в тетрадке корабли и спрашивать, бывают ли в Анапе пираты.

И тогда она совершила отчаянный шаг. Позвонила тёте Кате. Не за советом, а просто выговориться, услышать хоть какое-то подтверждение.

«Держись, – сказала та коротко. – Его злость – это последние судороги. Он чувствует, что теряет власть. Не иди на конфликт. Игнорируй. Его время кончается. Твоё – начинается. Камушек тот носи с собой».

Татьяна сжала в кармане гладкий «куриный бог». И в тот же день Лиза позвонила с другим голосом: «Нашёлся покупатель. Пара пенсионеров из села, продали дом, хотят перебраться к детям в город. Они не из наших мест, им твой бывший не страшен. Цену сбили, но незначительно. Согласны?»

Согласие далось через силу. Цена была ниже запланированной. Значит, в Анапе придётся смотреть на что-то ещё меньшее, ещё более скромное. Но выбора не было.

Сделка в банке прошла, как в тумане. Татьяна подписывала бумаги, глядя, как чужие люди пересчитывают пачки купюр, которые тут же уходят в банковскую ячейку для расчёта по ипотеке при покупке новой квартиры. У неё в руках остался только небольшой остаток – на переезд, на первое время, на жизнь до первой зарплаты. Страшно. Но сделка была завершена. Квартира больше не её.

Они вернулись в опустевшую, уже чужую квартиру на последние три дня, чтобы забрать оставшиеся вещи. Комната, где стояли лишь три упакованных чемодана, детский рюкзак и коробка с фотографиями, эхом отзывалась на каждый шорох. Было пусто и непривычно тихо.

«Всё, ребята, – сказала Татьяна, собирая их перед собой. – Завтра вечером наш поезд. Сегодня… сегодня мы можем попрощаться с городом. Сходим туда, куда хотите».

Аня хотела на площадь, к фонтану, который летом иногда включали. Рома – на старый стадион, где он когда-то с папой смотрел футбол. Татьяна просто хотела пройтись по своим улицам, впитать их в память, чтобы потом, на юге, точно знать, от чего она сбежала.

Они вышли. Вечерело. Фонтан, конечно, не работал, его чаша была засыпана снегом и мусором. Аня постояла рядом,

потом повернулась спиной. «Ничего особенного», – сказала она, но в глазах стояла тоска.

На стадионе было пустынно и холодно. Рома побежал по заснеженной дорожке, изображая бег с мячом, потом остановился, запыхавшись. «Здесь тоже ничего», – выдохнул он, и его энтузиазм наконец пошёл на спад.

Они шли медленно, по маршруту, которым Татьяна ходила в школу, потом в институт, потом на свидания. Мимо кинотеатра «Мир», где давали первый в её жизни «Титаник». Мимо сквера с облезлым памятником Ленину, где она гуляла с коляской. Мимо кафе «Уют», где Сергей сделал ей предложение. Каждое место было связано не с радостью, а с тяжестью, потерей, ошибкой.

«Знаешь, мам, – неожиданно сказала Аня, взяв её за руку. – Я, кажется, не буду скучать».

«И я, – поддержал Рома, с другой стороны. – Тут холодно и грустно».

Татьяна остановилась, глядя на их серьёзные личики. Детская прямота резала правдой. Они не прощались с городом детства. Они бежали из тюрьмы, даже не осознавая этого до конца.

В последнее утро они сделали последний круг по пустой квартире. Татьяна провела рукой по подоконнику в детской, вспомнив, как учила Аню читать, сидя здесь. Рома попрощался с видом из окна на голубятню на соседней крыше. Потом взяли чемоданы и вышли. Дверь закрылась. Ключ остался внутри.

На вокзале было суетно и неуютно. Они ждали поезд «Кемерово-Анапа», который ходил раз в двое суток. Татьяна купила детям по пирожку, себе – кофе из автомата. Он был горьким и невкусным. Сидя на жёсткой пластмассовой скамье, она ловила на себе взгляды. Одна пожилая женщина, глядя на их скромный скарб и уставшие лица, покачала головой: «Бедные, беженцы, наверное…»

Они и были беженцами. Беженцами от прошлого.

Когда объявили посадку, и они, взявшись за руки, пошли к вагону, Татьяна обернулась в последний раз. За стеклом вокзала виднелась знакомая, серая, как вся её прежняя жизнь, улица. Никакой грусти не было. Было только острое, щемящее чувство неизвестности. И камушек в кармане, который она теперь почти не выпускала из рук.

Они зашли в купе. Устроились. Поезд тронулся. Первые

фабричные корпуса, знакомые пятиэтажки поплыли за окном, замелькали, ускорились. Рома прилип к стеклу. Аня закрыла глаза. Татьяна сжала руки в кулаки.

Город детства, город страха, город Сергея оставался позади, растворяясь в вечерней мгле и клубах пара из-под колёс. Впереди было сорок восемь часов пути и новая жизнь, нарисованная словами гадалки: солнце, море, работа и… настоящий муж. Пока это были лишь слова, но поезд уже вёз их навстречу. Навстречу Анапе.

Купе, которое казалось им спасением, на деле оказалось тесной каморкой с потёршимся синим пластиком и стойким запахом дезинфекции. Но это был их островок, их первая территория в этом бегстве. Четыре полки, столик у окна, крошечная раковина. Татьяна молча принялась раскладывать вещи: пакет с едой на столик, подушки и пледы – на полки.

– Ура! Поезд! – Рома, отбросив усталость, полез на верхнюю полку, чтобы всё разглядеть сверху.

– Слезай аккуратно, – устало сказала Аня, уже заняв место у окна и уставившись в мелькающую темноту.

Поезд набирал скорость, ритмично постукивая на стыках рельсов. Этот звук, знакомый с детства, теперь звучал как

саундтрек к побегу. Татьяна села напротив дочери, положила ладони на холодный столик и закрыла глаза. Тело гудело от напряжения последних недель, но внутри, сквозь усталость, пробивалось странное чувство – не радость, а скорее огромная, звенящая пустота, как после долгого плача.

Они ехали. Это было главное.

Первую ночь в поезде Татьяна почти не спала. Дети, измученные эмоциями, заснули быстро: Аня – чутко, свернувшись калачиком на нижней полке, Рома – раскинувшись наверху, с открытым ртом. А она лежала на своей полке и слушала. Стук колёс. Гул голосов из соседнего купе. Свистки на полустанках. Каждый звук казался криком: «Ты сбежала! Ты сбежала!» Она ждала, что её мобильник взорвётся звонками и угрозами от Сергея. Но телефон молчал. Может, он ещё не знал? Или знал, но смирился? Эта тишина была почти страшнее его криков.

Она достала из кармана джинсов гладкий камушек-«куриный бог». Перебирала его пальцами в темноте. «Анапа…» – мысленно повторяла она, как мантру. Это слово было маяком, единственной точкой в абсолютно неизвестном будущем.

Утром, когда за окном поплыли бескрайние, покрытые

инеем сибирские поля, жизнь в поезде вошла в свою рутину. Чай из титана в жестяных стаканчиках, яйца вкрутую и хлеб с колбасой на завтрак. Дети начали скучать. Аня читала книжку, привезённую из дома, Рома рисовал в блокноте корабли и спрашивал у каждого встречного проводника: «А скоро море?»

С ними в купе до Самары ехала пожилая женщина, баба Тоня, ехавшая к сестре. Она, глядя на Татьяну усталыми, мудрыми глазами, сразу всё поняла.

– Одна с детками? – спросила она просто, разливая чай по стаканчикам и выкладывая на салфетку домашние пирожки с капустой.

– Да, – коротко ответила Татьяна, не в силах объяснять.

– Трудно будет. Но глаза у тебя верные. Не сломаешься. Держись, милая, – сказала баба Тоня и больше не расспрашивала. А вечером, когда дети заснули, она тихо сказала: – Бывает, от плохого человека бегут не в другое место, а к себе самой. Вижу, ты к себе едешь.

Эти простые слова почему-то растрогали Татьяну до слёз. Она отвернулась к окну, за которым уже не было привычных лесов, а плыли огни какого-то большого города. Это были не её слёзы отчаяния, а что-то новое, щемящее и хрупкое – как будто кто-то признал её право на эту поездку.

Вторые сутки пути стали испытанием на прочность. Духота, ограниченное пространство, однообразная еда. Дети начали капризничать. Рома требовал немедленно увидеть море, Аня ворчала, что в поезде неудобно и скучно. Даже Татьяну начали одолевать сомнения: а что, если это ошибка? А если в Анапе всё будет ещё хуже? Если квартира окажется мышиной норой, а работа – каторгой? Если никакого «суженого» нет, а есть только новые долги и одиночество в чужом городе?

Она молча умывала детей в крошечной раковине, поправляла постели, выходила в тамбур «подышать» – на самом деле, чтобы скрыть дрожь в руках. Вид из тамбура менялся. Густые леса сменились редколесьем, потом пошли степи, ещё жёлтые и неприветливые после зимы. Воздух за окном стал другим – не таким колючим. Сибирь осталась позади.

Вечером второго дня проводница объявила: «Через час Ростов-на-Дону! Кто на юг – готовьтесь, скоро тепло!» И правда, когда они вышли на перрон в Ростове на пять минут, чтобы размять ноги, воздух уже не резал лёгкие морозом. Он был влажным, прохладным, но мягким. И пах – нет, не морем ещё, а чем-то сырым, земляным, тёплым.

– Чувствуешь? – спросила Татьяна Аню, вдыхая полной грудью.

– Пахнет… по-другому, – неуверенно сказала девочка, но в её глазах проснулся интерес.

Последнюю ночь в поезде Татьяна проспала как убитая. Глубоким, без сновидений сном. А утром её разбудил не стук колёс, а восторженный крик Ромы:

– МАМ! СМОТРИ! ПАЛЬМЫ!

Она вскочила и прилипла к окну. За стеклом, в розоватом свете раннего утра, проплывали не снежные поля, а зелёные холмы, крыши красной черепицы и – да, это были они! Некрупные, но очень настоящие пальмы, растущие прямо вдоль железной дороги. А ещё дальше, на горизонте, блеснула тонкая, сверкающая полоска. Солнце, только что взошедшее, ударило в неё миллионом бликов.

– Море… – прошептала Татьяна. Сердце заколотилось с невероятной силой. Оно было. Настоящее. Как на открытке.

В купе вошла проводница, улыбаясь их изумлённым лицам.

– Красиво? Это уже Краснодарский край. Через час – Анапа. Готовьте вещи.

Последний час пути пролетел в лихорадочных сборах и в немом созерцании. Пейзаж за окном менялся на глазах: больше зелени, больше цветов, даже в марте, яркие вывески,

белые дома. И воздух – он теперь действительно пах солёной свежестью, смешанной с ароматом влажной земли и какой-то сладкой пыльцы.

Когда поезд, зашипев тормозами, окончательно остановился на станции «Анапа», наступила минута полной тишины в их купе. Они стояли, слушая, как за окном кричат чайки. Настоящие, живые чайки.

– Ну что, – сказала Татьяна, и голос её сорвался. – Приехали. Домой.

Они вышли на перрон, ослеплённые уже по-настоящему тёплым, почти весенним солнцем. Воздух был напоён непривычными звуками и запахами: говор на южном, певучем наречии, аромат кофе и свежей выпечки из вокзального буфета, и этот всепроникающий, солёно-свежий запах моря, который витал даже здесь, в километре от берега.

Татьяна поставила чемоданы на землю, взяла детей за руки. Перед ними был не вокзал, а портал в другую жизнь. Страх никуда не делся. Он сжался в комок в желудке. Но его перекрывало что-то более сильное – острое, головокружительное чувство начала. Они сделали это. Они сбежали.

– Поехали, – сказала она твёрдо, подхватывая чемодан.

И они пошли вперёд – навстречу шуму незнакомого города, навстречу солнцу, навстречу обещанной, но такой пугающей своей неопределённостью судьбе.

Прощание с прошлым осталось там, в сером сибирском тумане. Здесь, под анапским небом, начиналась вторая глава их жизни. Называлась она «Продажа прошлого» была завершена. Впереди была Глава 3. Первый взгляд на Анапу.

Глава 3. Первый взгляд на Анапу

Станция «Анапа» оказалась не гулким каменным колоссом, как в сибирских городах, а каким-то по-курортному лёгким, почти игрушечным зданием с белыми колоннами. Но настоящий шок ожидал их за его пределами.

Когда они вышли на привокзальную площадь, их накрыло волной – не звуковой, а световой, тепловой и обонятельной. Яркое, почти летнее мартовское солнце било в глаза, заставляя щуриться после тусклого сибирского света. Воздух, тот самый, что улавливался обрывками у вокзала, здесь был полновластным хозяином: тёплый, плотный, невероятно сложный букет. Солёная свежесть моря, до которого, как выяснилось, было рукой подать, смешивалась со сладковатым дымком от жаровен с кукурузой, с ароматом свежеиспечённой пиццы из соседней кафешки, с пыльцой уже цветущих где-

то растений.

– Ух-ты-ы! – выдохнул Рома, выпустив мамину руку и задрав голову к синему-синему небу, где уже парили не вороны, а белокрылые чайки.

– Тепло… – прошептала Аня, скидывая с плеч свою сибирскую куртку. Всё её сдержанное взрослое поведение начало таять, как мартовский снег на этой южной земле. На её лице появилась неуверенная, почти забытая улыбка.

Татьяна стояла, словно парализованная, вдыхая этот воздух полной грудью. В груди что-то ёкнуло и расправилось, как смятый листок бумаги. «Она была права, – пронеслось в голове. – Здесь пахнет жизнью. Не борьбой, а просто жизнью».

Их восторг длился ровно сорок минут – столько, сколько заняла дорога на маршрутке в центр города и первые робкие шаги по улицам в поисках указателей «Агентство недвижимости». Восторг сменился лёгким недоумением, а затем – нарастающей паникой.

Анапа предстала перед ними не просто курортным городком, а бурлящим, ярким, но весьма недешёвым организмом. Всё вокруг сверкало свежими фасадами, пестрело рекламой кафе, отелей, экскурсий. И цены… Цены в окнах агентств

недвижимости заставляли кровь стынуть в жилах. Аренда даже однокомнатной квартиры в сезон, который, как им объяснили, «уже начался, потому что вечная весна», была сравнима с их сибирской ипотекой. А стоимость покупки… Татьяна молча смотрела на цифры, прибавляя к ним проценты по ипотеке, и чувствовала, как почва уходит из-под ног. Денег от продажи квартиры хватило бы разве что на крошечную студию в самом старом районе, без ремонта. А ведь ещё нужны были деньги на жизнь, пока она не найдёт работу.

– Мам, а мы где будем жить? – спросил Рома, уставший таскать свой рюкзак. Эйфория от пальм и чаек быстро испарилась.

– Сейчас найдём, – бодро, но с фальшивыми нотками в голосе ответила Татьяна.

Они зашли в пятое по счёту агентство. Молодой риелтор с загорелым лицом, представившийся Артёмом, выслушал их историю, посмотрел на цифру в их бюджете и скептически скривился.

– С таким бюджетом и видом на море можно сразу распрощаться. Разве что в старом фонде, без ремонта. Или… – он покрутил в руках карандаш. – Рассматриваете новостройки на этапе строительства? Там цены ниже, но вид… вид чаще всего на другие такие же новостройки. Или на поле.

– А что есть? – спросила Татьяна, уже почти без надежды.

Артём покопался в базе. – Есть один вариант. Микрорайон «Южный». Край города, практически. Дом сдали полгода назад, несколько квартир ещё у застройщика. Однушка на последнем, девятом этаже. Цена… да, вот, попадает в ваш бюджет. Правда, ипотека одобрена должна быть быстро.

– А вид? – машинально спросила Татьяна.

– Вид… Не на море, – честно сказал Артём. – Зато не на стену. Говорят, на предгорья. Хотите посмотреть?

Они поехали. Микрорайон «Южный» действительно был на отшибе. Но не заброшенным и унылым, как окраины Анжеро-Судженска, а новым, чистым, с прямыми дорогами и саженцами деревьев. Сам дом был белым, свежим, с большими окнами. Лифт работал бесшумно.

Когда Артём открыл дверь квартиры № 97, их встретил поток света. Квартира была пустой – голые бетонные стены, стяжка на полу, балконная дверь. Но она была ЗАЛИТА солнцем. И вид… Татьяна подошла к окну, и у неё перехватило дыхание.

Не море. Море было где-то там, за спиной, его не было видно. Зато прямо перед глазами, за широкой лентой ещё не до конца застроенных пространств, поднимались невысокие,

плавные, покрытые свежей зеленью предгорья Кавказа. Они были сиреневатыми в дымке, умиротворяющими. От них веяло спокойствием и необъятным пространством. Это был не захлопывающий кадр, как вид на соседнюю хрущёвку, а открытка, живая картина, которая менялась со светом.

– Красиво… – зачарованно сказала Аня, встав рядом.

– Там, наверное, драконы живут! – вообразил Рома, упираясь носом в стекло.

В эту секунду Татьяна поняла – это оно. Это не клетка с видом на прошлое. Это берлога с видом на будущее. Пусть далёкое, пусть непонятное, но – будущее.

– Берём, – тихо, но очень чётко сказала она.

Дальнейшие дни слились в карусель событий, каждое из которых было волнительнее предыдущего. Сбор документов для ипотеки. Беготня по банкам с тремя папками бумаг. Мучительное ожидание решения кредитного комитета. Дети жили в самом дешёвом гестхаусе на окраине, пока Татьяна металась между конторами. Нервы были на пределе. Но каждый вечер она приезжала к детям и рассказывала: «Всё идёт. Наш дом ждёт».

И вот тот день настал. Чистый, прохладный кабинет в банке. Большой стол. Сотрудница банка, приятная женщина лет

сорока, разложила перед Татьяной кипу документов, каждый толщиной в палец.

– Вот здесь, здесь и здесь – ваши подписи, – её голос был профессионально-ровным. – Договор ипотечного кредита, закладная на квартиру, договор купли-продажи. Внимательно читайте, хотя условия мы с вами уже обсудили.

Татьяна взяла ручку. Она была невесомой и невероятно тяжёлой одновременно. Перед глазами поплыли цифры: сумма кредита, проценты, ежемесячный платёж на двадцать пять лет вперёд. Двадцать пять лет долга. Двадцать пять лет обязательств. Ужас, холодный и липкий, подкатил к горлу. Что она творит? Она, одинокая женщина с двумя детьми, без работы в этом городе, подписывает кабалу на четверть века! Это безумие! Лучше бы сняла квартиру, лучше бы вернулась…

Она подняла глаза и встретила взгляд банковской сотрудницы. Та не подгоняла её. В её взгляде не было ни раздражения, ни жалости. Было просто понимание.

– Страшно? – тихо спросила женщина, отодвигая на секунду официальный тон.

Татьяна только кивнула, не в силах вымолвить слово.

– У всех так. Но знаете… – сотрудница чуть наклонилась через стол. – Вы покупаете не просто квадратные метры. Вы

покупаете точку опоры. Кусочек земли под ногами в новом месте. Это того стоит.

И тогда Татьяна вспомнила вид из окна. Те сиреневые предгорья. Свет в пустой квартире. Восторженные глаза своих детей, которые уже начали спорить, чья это будет комната (хотя комната-то одна!). Она вспомнила запах гари и слякоти, который теперь казался сном. И голос тёти Кати: «Там твой дом».

Она глубоко вдохнула, выдохнула. И начала подписывать. Размашисто, чётко, ставя свою подпись под своей новой, пугающей и невероятно желанной жизнью. Каждая подпись была одновременно актом отчаяния и актом безграничной веры. В себя. В эту землю. В это солнце.

Когда последний документ был подписан, сотрудница банка улыбнулась.

– Поздравляю. Ключи можете получить у застройщика завтра. Добро пожаловать домой.

Татьяна вышла из банка. В руках у неё была копия договора. Она остановилась на солнечной ступеньке, подставила лицо тёплому ветру с моря и закрыла глаза. Эйфория ударила в голову, как шампанское. Они сделали это! У них есть дом! В Анапе! Но следом, как холодная волна, накатил ужас: а теперь-то что? Кредит, долги, ремонт, мебель… Гора, ко-

торую нужно снова двигать.

Она открыла глаза. По улице шли люди в футболках, смеялись, несли надувные круги. Где-то пахло морем и кофе. И она поняла, что этот ужас – другой. Он не парализует. Он заставляет двигаться вперёд. Потому что теперь у неё есть, за что бороться. Есть стены, которые нужно сделать уютными. Есть окно с видом на предгорья, за которыми, она была уверена, скрывается и обещанное море, и её судьба.

Она пошла к гестхаусу, к детям. Шла быстро, почти бежала. Ей не терпелось крикнуть им: «У нас есть дом!». Настоящий, свой, с видом на будущее. Пусть в ипотеке. Пусть в долгах. Но – свой. Первый шаг в обещанную гадалкой жизнь был сделан. Самый страшный и самый важный.

Глава 4. Кредит на новую жизнь

Ключи от квартиры № 97 лежали на ладони, холодные и невесомые. Но когда Татьяна вставила их в скважину и открыла дверь в свой первый собственный дом в Анапе, её встретил не уют, а гулкая, бетонная пустота.

«Новостройка с видом на предгорья» на деле оказалась сырой, серой коробкой. Голые стены, покрытые грубой штукатуркой, от которой сыпалась пыль. Стяжка пола, холодная

и неровная. Открытые провода, торчащие из стен, как чёрные щупальца. И запах – едкий, химический запах строительных материалов, пыли и сырости. Вид из окна по-прежнему завораживал, но внутри было неуютно, как в гараже.

Дети вбежали первыми. Их восторг «ура, новая квартира!» продлился ровно три минуты.

– Мам, а где кровати? – спросил Рома, и его голос отозвался эхом в пустоте.

– А где мы будем есть? – добавила Аня, осторожно ступая по пыльному бетону.

Татьяна молча поставила на пол единственный пакет с едой, который взяла с собой. Это был весь их скарб: три бутерброда, бутылка воды и кружка. Больше ничего не было. Ни стула, чтобы присесть. Ни матраса, чтобы лечь. Только бетон, окно и те самые предгорья за стеклом, которые сейчас казались не символом свободы, а немым укором: «Ну что, справишься?»

Вечером, вернувшись в гестхаус (платить за который нужно было ещё неделю, пока они не переедут), Татьяна достала калькулятор и все документы. Ипотечный платёж начинался через месяц. Цифра, которая в банке казалась абстрактной, теперь выглядела чудовищной. А на что платить? Работы пока не было, только пара собеседований в турагентствах, но

сезон ещё не начался, и везде отвечали: «Перезвоним».

А ещё нужны были деньги, чтобы сделать из бетонной коробки дом. Самое необходимое: черновые материалы для ремонта, сантехника, хотя бы плита на кухне, холодильник. Потом – мебель. Хоть какую-то. Кровать ей и детям. Стол. Шкаф. Даже самая скромная смета, составленная после беглого просмотра цен в местном строительном гипермаркете, заставляла её похолодеть. Сумма от продажи сибирской квартиры таяла на глазах, и её не хватало.

В первую же ночь в гестхаусе, пока дети спали, Татьяна не сомкнула глаз. Она лежала и снова и снова складывала на калькуляторе одни и те же цифры, вычитала, делила. Получалась безвыходная ситуация. Брать ещё один кредит? После ипотеки? Это казалось финансовым самоубийством. Но альтернативы не было: жить в пустой квартире на полу они не могли.

На следующее утро, с тёмными кругами под глазами, она отправилась в тот же банк. Та самая сотрудница, Надежда Викторовна, выслушала её, посмотрела свежие документы по ипотеке и тихо вздохнула.

– Потребительский кредит на ремонт… Теоретически возможно. Но, Татьяна, вы понимаете, это двойная нагрузка. Вы только встаёте на ноги.

– Я понимаю, – голос Татьяны звучал хрипло от бессонницы. – Но у меня нет выбора. Или кредит, или мы будем спать на голом бетоне. А я должна выйти на работу, мне нужно, чтобы дети были в нормальных условиях.

Надежда Викторовна долго молча смотрела на неё, потом кивнула.

– Хорошо. Оформляем. Но будьте готовы, процент будет выше. И – мой вам совет, неофициальный: делайте только самое необходимое. Не замахивайтесь на евроремонт. Шпаклёвка, обои, краска, линолеум. Всё самое простое. И мебель… ищите б/у или в кредит без первого взноса по акциям.

Когда документы на второй кредит были подписаны, у Татьяны было ощущение, что она надела на шею второе тяжёлое ярмо. Но одновременно с этим на карту поступили деньги. Небольшие, но реальные. Инструмент для борьбы с этой бетонной пустотой.

Первым делом они купили три раскладушки, самый дешёвый пластиковый стол и четыре табуретки. Перевезли свои три чемодана одежды из гестхауса. Так они и заселились: спали на раскладушках, ели за пластиковым столом, а вещи лежали в чемоданах. Но это был уже их угол. Их крепость.

А потом начался ремонт. Вернее, его жалкое подобие, ко-

торое Татьяна решила делать своими руками, экономя на рабочих. Она купила шпаклёвку, грунтовку, валики, кисти и пару шпателей. Первый же вечер, когда она попыталась зашпаклевать первую стену, обернулся фарсом.

Шпаклёвка оказалась капризной, то слишком густой, то стекала со стены. Татьяна, никогда не державшая в руках шпатель, оставляла на стене то толстые наплывы, то дыры. Пыль стояла столбом. Дети, сначала наблюдавшие с интересом, быстро превратились в главных комментаторов.

– Мам, у тебя тут как горный хребет получилось! – весело кричал Рома, тыча пальцем в особенно неудачный наплыв. – Можно назвать «Гора Отчаяния»!

– Не «Отчаяния», а «Терпения», – мрачно поправляла Аня, но и она не могла сдержать улыбки, глядя, как мама, вся в белых разводах, с серьёзным видом пытается загладить очередную неровность.

– Рома, не мешай! Аня, принеси воды, эта гадость ко мне на ботинок прилипла! – командовала Татьяна, но в её голосе уже не было прежней отчаянной усталости. Было раздражение, азарт и даже какой-то дикий, первобытный кайф от того, что она, хрупкая женщина, может менять стены своего дома. Своими руками.

Они включили на телефоне бодрую музыку. Рома взял маленький шпатель и с важным видом начал «помогать» на самом нижнем участке стены, оставляя за собой ещё более причудливые следы. Аня старательно вытирала пыль и подносила материалы.

К концу вечера стена была изуродована, они все трое были покрыты с ног до головы белой пылью, похожие на призраков, но в квартире стоял смех. Настоящий, громкий, детский смех, которого не было слышно, кажется с тех пор, как они уехали из Сибири. А когда они сели на свои раскладушки пить чай из пластиковых стаканчиков, Татьяна смотрела на свою кривую, нелепую стену и чувствовала не стыд, а гордость. Это была её стена. Её кривая, уродливая, но уже НЕ бетонная стена.

Ночью, лежа на скрипящей раскладушке и глядя в потолок, где ещё висели паутины строительной пыли, она снова считала в уме. Кредит… ипотека… цены на обои… Но теперь эти мысли не вызывали панического ужаса. Они были просто задачами, пусть и сложными. Как та стена, которую завтра нужно будет шлифовать и шпаклевать заново.

Она повернулась на бок, посмотрела на спящих детей. Аня прикрыла лицо рукой, Рома раскинулся, как звезда. Они были здесь, с ней. В их доме. С видом на горы. И у них была

своя «Гора Терпения» на стене, которую они сделали вместе.

Финансовая пропасть по-прежнему зияла перед ней. Обещанный уют был ещё далекой сказкой. Но в этой пустой бетонной коробке зажгся первый, самый важный огонёк – огонёк борьбы, смеха и безумной, упрямой надежды на то, что всё получится. Кредит на новую жизнь был взят. Теперь предстояло эту жизнь, день за днём, построить.

На следующее утро, едва рассвело, Татьяна уже стояла в самом большом строительном гипермаркете Анапы. Сумка с образцами обоев, каталогом плитки и блокнотом с расчётами казалась неподъёмной. Дети, которых она взяла с собой, потому что оставить их одних в пустой квартире было страшно, сразу разбежались по ярким рядам.

– Мам, смотри, светильник в виде корабля! – Рома тащил её за рукав к отделу освещения.

– Это дорого, сынок. Нам нужны просто белые светильники. Самые простые, – отвечала Татьяна, украдкой глядя на ценник. Корабль стоил как половина её будущей зарплаты.

Пока она выбирала недорогую водно-дисперсионную краску, сравнивая цену за литр, к ним подошёл пожилой продавец, с умными, добрыми глазами за очками.

– Первый ремонт? – спросил он, глядя на её растерянное

лицо и на детей, которые увлечённо играли с образцами линолеума, как с пазлами.

Татьяна смущённо кивнула.

– Вижу. Слушайте сюда, – он понизил голос, будто посвящая в великую тайну. – Не берите эту краску. Возьмите вот эту, – он ткнул пальцем в другой, менее красочный бочонок. – На триста рублей дороже за банку, но она плотнее, покроет ваши кривые стены в один слой, а не в три. Сэкономите на грунтовке и времени. И шпаклёвку берите финишную «Ветонит». Не слушайте, кто говорит, что можно стартовой обойтись. Сэкономите на шлифовке.

Он провёл для неё настоящую десятиминутную лекцию по минимально необходимому набору для ремонта своими руками. Татьяна слушала, раскрыв рот, и старательно записывала названия в блокнот. Эта неожиданная помощь от незнакомца согрела душу теплее, чем анапское солнце.

– Спасибо вам огромное, – искренне сказала она на прощание.

– Не за что. Все когда-то начинали, – улыбнулся продавец. – Удачи. И детям своим не давайте в руки валик, пока не покрасите всё сами. Иначе будет картина маслом «Ужас в детской».

Они вернулись домой с покупками, и Татьяна, вооружив-

шись новыми знаниями, начала с новой энергией. Весь день она провела, зашкуривая свою «Гору Терпения» и покрывая стены ровным слоем той самой, рекомендованной краской. Получилось… сносно. Стены перестали сыпаться и стали белыми, пусть и не идеально ровными. Но белыми! Это был колоссальный прогресс.

Вечером, когда они сидели на полу (стулья были заняты вёдрами с краской), уплетая пельмени, сваренные на переносной газовой горелке, раздался стук в дверь. Татьяна насторожилась. Кто может быть? Сергей? Нет, он не знает адреса…

Она открыла дверь, не расстёгивая цепочку. На площадке стоял мужчина лет сорока пяти, в рабочей одежде, с добродушным, обветренным лицом.

– Здравствуйте, соседка! Я Николай, живу этажом ниже. Ремонт затеяли? – спросил он без предисловий.

– Да… – осторожно ответила Татьяна.

– Так, смотрю, сами всё делаете. Мужика в доме нет?

– Нет, – коротко сказала Татьяна, и её сердце ёкнуло от привычной боли.

– Понятно, – кивнул Николай. – Я, собственно, по поводу шума. Вы не шумите, всё нормально. Я сам строитель. Вижу, вы тут боретесь. Так вот, если что – спрашивайте. У меня инструмент есть всякий. Дрель, перфоратор. И советы дам.

За бесплатно. Видно, что люди хорошие.

Он протянул через цепочку визитку простого вида: «Николай. Отделочные работы». На обороте было написано от руки: «кв. 87».

Этот день закончился для Татьяны с совершенно новым чувством. Она легла на свою скрипучую раскладушку, слушая, как дети мирно сопят, и думала не только о цифрах в калькуляторе. Она думала о добром продавце, который спас её от лишних трат. О соседе Николае, который предложил помощь. Мир в Анапе, который поначалу казался чужим и дорогим, начинал проявлять человеческие, тёплые черты.

На следующее утро она отважилась на большее – поехала на рынок стройматериалов, где, как говорили, было дешевле. Там, поторговавшись, она купила недорогой линолеум «под паркет» и плинтуса. Николай с этажа ниже, узнав, зашёл вечером, принёс свой резак и показал, как правильно стелить, чтобы не было пузырей. Рома с важным видом подавал инструменты, Аня мыла пол после них.

Через неделю в квартире уже был постелен линолеум и прибиты плинтуса. Это был не ремонт, а так, косметический ремонтишко. Но для них это был дворец. Они сняли обувь у порога и ходили по тёплому, ровному полу босиком. Татьяна купила на распродаже в гипермаркете две тумбочки-кон-

структора и одну ширму. Из тумбочек собрали подобие шкафа для одежды, а ширмой отгородили угол, где стояли её раскладушка и чемоданы, создав подобие «родительской спальни». Детские раскладушки стояли у окна, под самым видом на горы.

Вечером, в первую пятницу их жизни в более-менее обустроенном жилье, Татьяна устроила праздник. Купила пиццы (той самой, чей запах пленил их в первый день), газировки и маленький торт «Прага». Они включили музыку на телефоне, поставили пиццу на пластиковый стол, сели на пол, подстелив плед, и устроили пикник.

– Мам, знаешь, – с набитым ртом сказал Рома, – наша квартира самая лучшая. Потому что она наша.

– И вид классный, – поддержала Аня, кивая на темнеющие за окном силуэты предгорий, на которых зажигались редкие огоньки.

– И мы сами всё сделали! – гордо заключил Рома.

Татьяна смотрела на их сияющие лица, на крошки пиццы на новом линолеуме, на кривые, но чистые стены, и финансовый ужас отступал куда-то далеко. Он никуда не делся, он ждал своего часа в виде платежей по кредитам. Но здесь и сейчас было что-то важнее. Было ощущение, что они не просто выживают. Они строят. Кирпичик за кирпичиком. Сме-

хом, упрямством, чужими добрыми советами и своей собственной, неистовой верой.

Кредит на новую жизнь висел над ней дамокловым мечом. Но глядя на детей, которые уже спорили, куда повесить первый нарисованный ими самими рисунок (на «Гору Терпения» или на противоположную стену), она понимала: этот кредит она уже начала возвращать. Не деньгами, а этими моментами, этой хрупкой, но такой прочной семейной крепостью, которую они возводили своими руками посреди бетонной коробки с видом на сбывающиеся надежды.

Глава 5. Морской бриз в резюме

Стены были покрашены, пол застелен, а в углу уже стоял собранный из коробки недорогой платяной шкаф. Но самая главная задача – найти работу – всё ещё висела в воздухе, как тяжёлая туча, затмевающая даже радость от почти законченного ремонта. Каждый день Татьяна просматривала сайты, рассылала резюме на вакансии менеджера, администратора, хоть кассира в супермаркет. Ответы приходили редко, а отказы звучали вежливо-безлико: «К сожалению, ваш опыт не совсем соответствует…», «На данный момент вакансия закрыта…».

Деньги таяли с катастрофической скоростью. Взгляд

невольно скользил к блокноту с графиком платежей по кредитам, и в горле вставал холодный ком. В одну из таких тоскливых минут, когда она в сотый раз обновляла страницу с вакансиями, ей в рекомендациях высветилось объявление: «Туристическое агентство "Море Удачи" ищет менеджера по внутреннему туризму. Обучение. Гибкий график. Приветствуется коммуникабельность и позитивный настрой».

«Позитивный настрой» – это было не про неё сейчас. Но «обучение» и «внутренний туризм» – зацепило. Она знала город пока только как беженец, но разве это не шанс узнать его как свой? С трясущимися руками она отправила резюме, вписав в графу «опыт» организацию корпоративов на прежней работе и «высокую стрессоустойчивость», что было чистой правдой.

Ответ пришёл на удивление быстро. Через два часа с ней связалась девушка-рекрутёр и пригласила на собеседование на следующий день. Весь вечер Татьяна провела в лихорадочных приготовлениях. Её гардероб после развода и переезда состоял из трёх блузок и двух юбок, но она выгладила самое презентабельную – белую блузку и синюю юбку-карандаш. Аня помогла ей сделать укладку, а Рома, серьёзно насупившись, подавал заколки и сказал: «Ты самая красивая мама на свете. Они дураки, если не возьмут».

Агентство «Море Удачи» располагалось не в шикарном центре, а в уютном двухэтажном особнячке в одном из старых районов, в пяти минутах ходьбы от моря. Воздух здесь пах уже не просто морем, а смесью морской соли, жасмина из палисадников и кофе. Татьяна, волнуясь, вошла внутрь.

Вместо строгого офиса её встретило пространство, похожее на дружелюбный хаос. Стены были оклеены картами и яркими постерами с курортами, на полках стояли сувениры со всего света, а в углу на столике дымился кофеваркой кофе. За двумя компьютерами работали девушки, а у круглого стола сидел мужчина лет сорока, в рубашке с расстёгнутым воротником, и что-то оживлённо обсуждал по телефону. Он увидел Татьяну, быстро завершил разговор и улыбнулся.

– Татьяна? Проходите, садитесь. Я Артур, директор. Не волнуйтесь, у нас тут не экзамен, – его голос был тёплым, с лёгким южным акцентом.

Собеседование оказалось больше похоже на дружескую беседу. Артур спрашивал не столько про формальный опыт, сколько про умение общаться с людьми, про то, как она представляет себе отдых в Анапе, почему решила переехать. Татьяна, отбросив скованность, честно рассказала, что хочет узнать город не как турист, а как местный, чтобы помогать другим находить здесь своё счастье. Не упомянув, конечно,

про гадалку и бегство от мужа.

– Знаете, у нас тут команда молодая, душевная, – сказал Артур в конце. – Работа нервная, сезон скоро, клиенты бывают разные. Но мы друг за друга горой. Если вы готовы учиться и не боится начинать почти с нуля – давайте попробуем. Испытательный срок месяц. Завтра выходите?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.